

Веч. Москва. - 2000. -
4 мая. - с. 7

Сергей МИХАЛКОВ:

Войну я закончил в звании полковника

Сергей Михалков — человек-эпоха, человек-легенда. Рассказывать о его творчестве нет нужды. Каждый в нашей стране знает наизусть хотя бы одно стихотворение Мастера. Сегодня, в свои 87, Сергей Михалков красив, бодр, остроумен. Накануне 55-летия Победы легендарный писатель любезно согласился поделиться с читателями «Вечерней Москвы» своими воспоминаниями о Великой Отечественной.

Ольга ИГНАТОВА

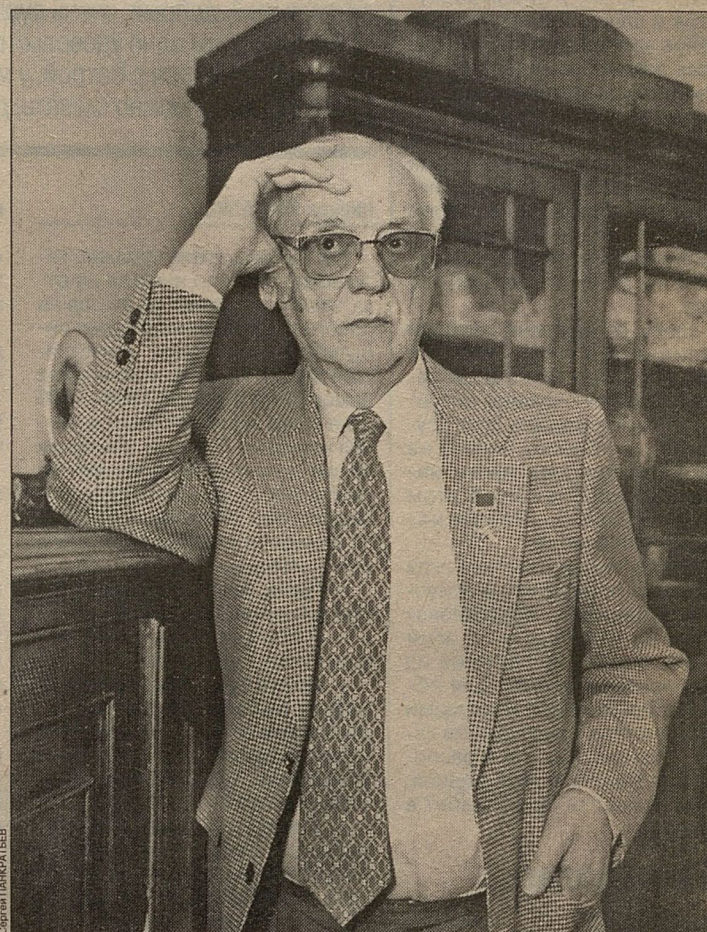
- Сергей Владимирович, можно сразу взять быка за рога: где застала вас война?

— Войну я встретил в Риге. Вечером 22 июня должен был выступать в Доме Красной Армии. И очень странным мне показался звонок по телефону, раздавшийся в 5 часов утра. Меня спросили, буду ли я выступать вечером. Я подтвердил свое намерение. Но, положив трубку, понял, что стряслось что-то неладное. Быстро оделся, спустился в холл гостиницы. Многие постояльцы уже слышали о том, что по радио будет выступать Молотов. Я вместе со всеми оказался у радиоприемника. Услышал обрывки команд на немецком языке о том, что всем судам, приписанным к портам, необходимо вернуться на свои базы. Уже не осталось сомнений, что произошло нечто важное. Поэтому я не стал дожидаться выступления Молотова, как другие, а сразу же пошел на вокзал и попытался купить билет в Москву. Мне сказали, что ни одного места в купейном вагоне нет. Пришлось брать билет в общий вагон. Вернулся в гостиницу, где уже царил всеобщее тревожное оживление. Все уже знали об объявлении войны и обсуждали, как выехать из Риги. Там ведь была большая советская делегация — крупные актеры, писатели. У меня, к счастью, билет уже был в кармане. В пути узнал, что станцию Даугав-

пилс уже бомбили немецкие самолеты. К счастью, наш поезд благополучно добрался до Москвы. Через сутки я был дома, а 27 июня имел предписание Главного политического управления о назначении военным корреспондентом газеты 22-й армии, куда и должен был незамедлительно выехать.

— Как вы это восприняли?

— Я был несколько удивлен тем, что меня направили корреспондентом в армейскую газету. Ведь многие писатели моего уровня получили распределение в центральные издания — «Правду», «Красную звезду». Я поделился своим неудовольствием с мамой, на что она мне произнесла слова мудрой русской поговорки: от службы не отказывайся, на службу не навязывайся. Сказала: поезжай, куда тебя назначили. Но когда я доехал до Винницы, то встретил двух моих хороших знакомых, которые оказались корреспондентами фронтовой газеты «Во славу Родины». Они предложили мне перейти на работу к ним, обещали уладить все формальности с главным редактором — полковым комиссаром. Так все и произошло. В составе редакции этой газеты я дошел до Сталинграда. 22 июля во время авиационного налета на Одессу был контужен. Моего товарища по редакции убило. Сотрудница газеты получила тяжелое ранение, ей ампутировали ногу. Немного оправившись, я поехал в Сталинград. Там получил разрешение армейского начальства вернуться в Москву,

Сергей Михалков

чтобы перевезти свою семью — мать, приемную дочь, старшего сына и жену. Прилетел в столицу как раз после памятного 16 октября, когда город эвакуировался. Люди уезжали, бросали все — квартиры, вещи. Провел две ночи в бомбоубежище на улице Горького. Потом снова был госпиталь (сказалась моя контузия) и новое назначение — в центральную газету Военно-воздушных сил Красной Армии «Сталинский сокол». В ней уже работали известные писатели — братья Тур, Эль-Регистан, Рыбак и другие. Там в первый раз был награжден орденом «Красная Звезда». Войну закон-

чил в составе этой редакции в звании полковника.

— О чем писали в газете?

— Писал только о том, что видел собственными глазами. Душой никогда не кривил. Сочинял и пропагандистские листовки, и заметки, и стихи, и статьи. В них все правда — от начала и до конца.

— Цензура вам не мешала?

— А вот с цензурой никогда дел не имел, наверное, повезло.

— Какое событие военных лет надолго осталось в памяти?

— Их было много. Но самый важный эпизод в моей жизни — создание Гимна Советского Сою-

за в 1943 году. Тогда я работал в газете «Сталинский сокол». Принял участие в конкурсе, был одним из 60 поэтов. В результате мой с Эль-Регистаном текст был одобрен и утвержден правительством и партийной верхушкой. В те дни я встретился со Сталиным, который принимал активное участие в создании Гимна и самолично также отобрал наш текст из многих десятков других вариантов. Я испытал огромную радость.

— Кого из военачальников вы знали? Как вы к ним относитесь?

— С наибольшим уважением относился и отношусь к Василевскому, Рокоссовскому, Коневу, Баграмяну, с которыми имел счастье быть знакомым. Самым же большим авторитетом на войне у солдат и офицеров пользовался верховный главнокомандующий Сталин. И я к нему относился так же, как все.

— Вам не претило писать на войне пропагандистские тексты?

— Я считал это своим долгом. Потому что надо было отвечать на вражеские листовки, разбрасываемые в огромных количествах в нашем тылу. В них искажалась политика нашего государства. Я написал довольно много листовок в стихах, которые распространялись в краях, охваченных партизанским движением. Они имели довольно большой резонанс.

— Сергей Владимирович, признайтесь, у вас были романы на войне?

— Конечно. Были девушки-военные, которые мне нравились. Помню одну, она заботилась обо мне после контузии. Мы были в бомбоубежище, и девушка накладывала мне холодные компрессы на спину и живот. Однако ни в кого не влюблялся настолько, чтобы забыть о деле.

— Часто вы испытывали страх?

— На войне всегда страшно. Страшно, когда тебя бомбят и некуда деться. Когда можешь попасть в окружение. До сих пор удивляюсь, каким чудом мы не попали в окружение, когда отступали из Николаева и Запорожья.

— Наверняка в вашей военной жизни было много смешных историй. Можете какую-нибудь вспомнить?

— На войне нельзя без юмора. Одну историю, которая произошла со мной, я вам могу рассказать. Однажды мы с фронтовыми друзьями отдыхали в одной из

квартир немецкого городка, только что освобожденного нашими войсками. Мы хорошо посидели. Но я должен был идти на узел связи, чтобы передать свежий материал в газету. Пожелав друзьям хорошо провести вечер, ушел. На улице было темно, кругом разрушенные здания, порывистый ветер сбивал с ног. Все вокруг звенит, стучит, дребезжит. Я знал, куда идти, и помнил пароль: «Мина». Но когда меня окрикнул часовой, стоявший на посту, я это простое слово никак не мог выговорить, так как заикаюсь. Стал что-то говорить, а пароль все никак не могу произнести. Мне скомандовали: «Ложись!». Пришлось подчиниться. Появился какой-то военный с фонарем, двое солдат подняли меня, проверили мои документы и спросили, почему я не мог сказать пароль. Я объяснил, как это получилось. В конце концов, убедившись, что я иду по делу, что я офицер и корреспондент, отпустили. Я благополучно передал свой материал и направился обратно. Ну, думаю, теперь уж скажу пароль! И что бы вы думали? Когда меня окрикнули, я довольно четко говорю: «Мина». Слышу в ответ: «Ложись!» Я опять лег, уже ничего не понимая. Опять ко мне подошли, опять подняли, стали проверять документы. Оказалось, за то время, когда я ходил на узел связи, пароль сменился. К счастью, вся эта курьезная история закончилась для меня благополучно.

— Вы были на Параде Победы на Красной площади в июне 45-го. Что особенно запомнилось?

— Запомнились немецкие штандарты, брошенные к подножию Мавзолея. Запомнился прием в Кремле, на котором присутствовали многие писатели — участники войны. Было очень торжественно. Запомнилась речь Сталина, говорившего о роли русского народа в мировой истории.

Она огромна. Особенно военная.

— Как вы относитесь к нынешней литературе о Великой Отечественной?

— Каждый вправе представлять минувшее так, как ему оно видится. Одни и те же события могут быть оценены разными людьми по-разному. Не берусь судить своих коллег. Единственное скажу, что в своих оценках они должны опираться прежде всего на факты.

Самым большим авторитетом на войне у солдат и офицеров пользовался Сталин